

Гендерные исследования

Н. Мицюк
Н. Пушкарева
А. Белова

Человек рождающий

История родильной культуры
в России Нового времени

Новое
Литературное
Обозрение

2022

УДК 618.2(091)
ББК 57.16г(2)
М70

Редактор серии М. Нестеренко

Работа над исследованием велась при поддержке Российского научного фонда (проекты № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма» и № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России»), а также Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ гранта: 075-15-2020-910). Публикация результатов исследования одобрена Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Мицюк Н., Пушкарева Н., Белова А.

М70 **Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени / Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкарева, А. В. Белова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 512 с. (Серия «Гендерные исследования»)**

ISBN 978-5-4448-1839-8

На первый взгляд, акт рождения представляется одним из самых базовых и непреложных феноменов нашей жизни, но на самом деле его социальное и культурное бытование пребывает в процессе постоянной трансформации. С XVIII—до начала XX века акушерство и родильная культура в России прошли долгий путь. Как именно менялось женское репродуктивное поведение и окружающие его социальные условия? Какие исторические факторы влияли на развитие акушерства? Каким образом роды перешли из домашнего пространства в клиническое и когда зародились практики планирования семьи? Авторы монографии пытаются ответить на эти вопросы с помощью широкого круга источников. Обращаясь к историям болезней, учебникам и атласам по акушерству, отчетам медицинских учреждений, протоколам заседаний благотворительных обществ, бракоразводным делам, дневниковым записям и письмам, они реконструируют развитие родильной культуры в России от Петра I до Октябрьской революции. Среди этих источников центральное место занимают письменные свидетельства, в которых сами женщины описывают и осмысливают родильный опыт. Наталья Мицюк, Наталья Пушкарева и Анна Белова— историки и антропологи, члены Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ).

УДК 618.2(091)
ББК 57.16г(2)

В оформлении обложки использована гравюра «Поворот плода в матке матери в конце беременности». Худ. Исаак Вейсенбрух. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum, Amsterdam.

© Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкарева, А. В. Белова, 2022
© Д. Черногаев, дизайн серии, обложка, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Содержание

Начало жизни (о значимости истории родовспоможения и акушерства для женской истории России) (Н.Л. Пушкарева)	7
Глава I. Прошлое родильной культуры в трудах этнографов, гендерных антропологов и историков медицины (Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева)	14
Новейшая зарубежная историография родильной культуры	14
История деторождения в России как объект социальных и гуманитарных исследований	39
Глава II. Родильный обряд в женской автодокументалистике в XVIII—середине XIX века: традиции и вестернизация (А.В. Белова)	60
«...на вечное свое несчастье, я, кажется, беременна...»: отношение к периоду беременности	60
«...и предоставляет жене справиться с родами, как знает»: переживание периода родов	108
«Дамы бросились поздравлять родильницу...»: обычаи послеродового периода	124
Глава III. Медикализация беременности в XVIII—начале XX века (Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева)	151
Беременность и деторождение в фокусе медицинской науки. Зарождение научного акушерства и медицинского контроля	154
Традиционные приметы и научные свидетельства беременности. Начало коммерциализации беременности	186
Глава IV. Из дома—в клинику. Деторождение между традицией и новацией (Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева)	225
Институционализация и профессионализация повитушества. Повивальные бабки vs. врачи-акушеры	227
Пространство, техники и участники домашних родов	258
Формирование стационарного акушерства. Родильная клиника как пространство для экспериментов	296
Антропология родильной клиники	340

Глава V. Эмоциональные переживания беременности и родов на страницах эгодокументов второй половины XIX—начала XX века (<i>Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарева</i>)	390
Легитимация родового акта в женских нарративах. Депривация себя	392
Гендерные различия в восприятии и эмоциональном переживании родов	410
Мужское восприятие родов, зарождение «сознательного отцовства»	418
Заключение	432
Список сокращений	435
Примечания	437
Указатель имен	495

Начало жизни

(О значимости истории родовспоможения
и акушерства для женской истории России)

Каждый начинает свой жизненный путь в утробе матери, но не каждый задумывается о том, велик ли труд родильницы, легко ли было матери произвести ребенка на свет. С тех пор, как ветхозаветный Бог в Книге Бытия обрек Еву и ее дочерей на такого рода страдания («Мучительной я сделаю беременность твою, в муках будешь рожать ты детей»), прошло более 5700 лет, и все это время человечество искало наиболее эффективные способы избавления роженицы от физических и психологических терзаний, обезболивания и помощи в исполнении женщинами их непростой работы — в их природной способности давать новую жизнь.

В этой книге нам хотелось рассказать о том, какой трудный путь прошла история помощи женщинам, желавшим забеременеть, выносить и родить ребенка, в нашей стране за последние три века. Настоящий прорыв в этом произошел совсем недавно, в XX столетии. Осмотр женских тел перестал быть унижительным и болезненным; стремительное развитие контрацепции помогло реализовать женское желание самим контролировать частоту беременностей и самостоятельно планировать число детей; гибель рожениц в ходе родов осталась в далекой истории вместе с туманом заблуждений, касающихся менструальной крови, которая якобы вытекает из «раны» яичников и представляет угрозу психическому равновесию женщины, или же возможностей «правильным поведением» женщины повлиять на пол ребенка до его появления на свет.

Чтобы оценить путь отечественного акушерства, стремившегося облегчить матерям выполнение их «женской работы»,

чтобы лучше понять связи биологического и социального, медицины с изменчивостью гендерных ролей, нужно вчитаться в источники, которые долгие десятилетия, а то и столетия, мало кого интересовали. Это истории болезней, медицинские описания течения беременности и родов, журналы городских родильных домов, учебники и атласы по акушерству, гинекологии, женским болезням, уходу за детьми (от самых первых до изданных накануне революции 1917 года). Это и «родительские дневники», получившие распространение в начале XX века в семьях образованных россиянок, а также архивы женских гимназий, в которых отложились истории предосудительного поведения воспитанниц. Нужно было перелопатить гору скучных и однообразных материалов: тексты заседаний педагогических и попечительских советов разных благотворительных организаций, чья работа была направлена на охрану материнства и младенчества, отчеты медучреждений, разные медико-статистические описания... В них, кстати, собиратели сведений приводили такие примеры из собственной практики, которые существенно дополнили картину репродуктивного здоровья населения. Яркие семейные истории и подробности обнаружались в бракоразводных делах, хранящихся в архивных фондах духовных консисторий разных губерний, и, конечно, прежде всего в женских письмах, дневниках, записках, воспоминаниях, автобиографиях. В этой книге вы найдете множество источников разных типов и видов, впервые введенных в научный оборот, в том числе российских текстов научно-медицинской литературы по акушерству и гинекологии второй половины XIX—первой половины XX века. Эти документы никогда не изучались как комплексный фактический материал по истории предубеждений и социального воспитания—и мы поставили целью разобраться, почему врачи-патерналисты мечтали превратить беременность в своего рода «контролируемый аскетизм». Перед нами стояла задача поэтапно проследить историю медикализации повседневности беременных, родильниц и молодых мам—следы этого процесса обнаруживались в публикациях ведущих научных журналов того времени: в «Журнале акушерства и женских болезней», «Акушерке», «Враче», «Русском враче» и других.

Мы присматривались к артефактам материальной культуры беременности, родов, материнства и младенчества во множестве музеев (в том числе в редких для отечественной музейной культуры залах по истории медицины), чтобы изучить, как менялся предметный мир будущей матери и матери младенца под влиянием предписаний экспертного сообщества врачей, какие новые телесные практики входили в жизнь девочки, девушки, беременной женщины, роженицы и родильницы... Мы брали в руки уставы частных родовспомогательных заведений и родильных отделений, чтобы понять, как эволюционировали представления о помощи родильнице во время стационарных родов. Нам помогали в нашей реконструкции литературные произведения — как предназначенные для массового чтения, так и значимые для появления женского голоса в русской литературе: сочинения Л. Д. Зиновьевой-Аннибал («Тридцать три урода»), А. А. Вербицкой («Ключи счастья»), О. А. Шапир («Антиподы», «Без любви», «Любовь», «Записки мужа»), А. Я. Мар («Женщина на кресте»). То, как готовилась революция в сексуальном поведении, как становились разрешенными обсуждения ранее запретной темы пола и утверждались новые идеалы женственности, нам помогли понять газеты и журналы разного времени, но прежде всего начала XX века — ведь до того времени беременность и роды считались делом настолько непубличным, что им не находилось места для обсуждения в средствах массовой информации либо уделялось совсем уж скромное место в разного рода медицинских публикациях.

Территориальные рамки этого исследования обусловлены географией привлеченных нарративов и прежде всего женских автобиографических сочинений. Большинство использованных архивных и опубликованных женских эгодокументов принадлежало православным представительницам русской части дворянства Центральной и отчасти Северо-Западной России (Московской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Тверской, Псковской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Ивановской, Тульской, Ярославской губерний). Учитывая территориальную мобильность дворянства (наличие владений и усадеб в разных губерниях), территориальный фактор не сыграл заметной роли

в изучаемых нами историко-культурных процессах, в отличие от социального, этнического и конфессионального.

Будучи методологически преданными концепции социального конструирования гендерных различий, мы исходили из того, что в России (как и во всей Европе, да и в мире) существует немало учреждений и норм, существование которых представляется современному человеку чем-то неизменным и вполне естественным, поскольку они теснейшим образом связаны с тем, что дано природой. К таковым относят половые различия, равно как материнство/отцовство, возможность продолжения человеческого рода. Однако нормы поведения будущих матерей и отцов, как мы заметили, довольно сильно отличались от современных, а учреждения, в которых помогали матерям разрешиться от бремени, возникли при определенных социальных отношениях и во вполне конкретных структурах распределения власти. Рассмотреть их стало нашей задачей.

Мы предположили, что история акушерской и гинекологической практики может позволить приблизиться к пониманию того, каким образом восприятие женщины и ее тела определяет не только проводимые медицинские процедуры, но и построение самих диагнозов, которым эти процедуры призваны помочь. Ставя задачу сделать достоянием научного сообщества все материалы, которые могут пролить свет на историю проведения отечественных операций кесарева сечения по авторским методикам, использования особых инструментов, позволявших облегчать процедуры извлечения плода, введение в практику особых обезболивающих средств при родах и послеродовом восстановлении, мы хотели подчеркнуть значение выверенного десятилетиями и столетиями опыта, знаний и методик работы российских акушеров. Рассказы о ходе и течении акушерских операций, проведенных российским врачами и повитухами, воспринимались нами как путь к пониманию не только обыденных практик наших предков, но и хода трансформаций ментальных процессов, процессов эмансипации социального сознания на протяжении веков становления медицинской помощи роженицам.

Вместо самых общих идей (любви, счастья, родительства, здоровья) мы решили основное внимание уделить их вариаци-

ям — изменениям на протяжении разных эпох: «золотого века частной жизни» (XVIII), далее — века индустриальной революции и освобождения от крепостничества (XIX) и так вплоть до периода множества научных открытий (начала XX). Нам хотелось изучить знание о беременных женщинах, бытовавшее в России эти два века, чтобы оценить изменчивое понимание женского тела, возможности понять его особенности — и для этого проанализировать представления, перестраивавшиеся вместе с общим эмоциональным режимом разных эпох. Поэтому методологически важно не отделять историю частной жизни и повседневности, как и историю медицины, от российского дискурса, который был столь же вариативен, сколь и палитра политики или культуры — то есть сделать все возможное, чтобы разобраться: что являла собой динамика перемен в отношении к *Homo partum*, «человеку рождающему».

Историкам и культурологам понятно, что название нашего исследования отсылает к работе нидерландского историка Йохана Хейзинга *Homo ludens* («Человек играющий»), изданной в 1937 году. Если Хейзинга описал всеобъемлющую сущность феномена игры, то нам было важно показать универсальное значение воспроизводства, подчеркнув социально конструируемую природу этого феномена, казалось бы, целиком связанного с медициной и физиологией.

Конечно, мы были вынуждены сосредоточить свое внимание на образованном сословии, прежде всего дворянках, отчасти — предпринимательницах, купчихах, а в отношении второй половины XIX — начала XX века — на представительницах среднего городского класса. Мы сфокусировались на структурах повседневности образованных женщин, на паттернах их социального поведения, особенностях текстуальной репрезентации их эмоционального мира, чтобы лучше понять общественное мышление того времени и его гендерный режим.

Для нас важно было сконцентрироваться на процессе трансформации традиционной родильной культуры в Новое время, который был обусловлен укреплением позиций буржуазии, урбанизацией, успехами в научной медицине, внедрением организованного и клинического родовспоможения в повседневную жизнь населения. Мы хотели разобраться, каким

образом осуществлялся перенос родов из домашнего пространства в клиническое, как патологизировались состояния беременности и деторождения, как экспертные системы в лице врачей и акушерок взаимодействовали с роженицами и что при этом приобретали (а подчас и теряли!) женщины.

Основываясь на широком корпусе женских нарративов, разного рода «материнских текстов» и сопоставляя сообщенное с представлениями и настояниями современников-экспертов, прежде всего врачей и ответственных за социальную помощь, мы поставили задачей изучить историю российского родовспоможения как сложный социальный процесс, зависимый от биологических, медико-социальных и социально-психических факторов. Хотелось понять, что повлияло на трансформацию репродуктивного поведения россиянок на протяжении полутора веков, как и когда начался революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения, рационализации репродуктивных практик женщин, оказавший влияние на формирование нового гендерного порядка в России начала XX века, как и когда началось оформление культуры планирования семьи и практик контроля рождаемости.

Мы исходим из того убеждения, что роды были некой ареной, на которой воспроизводилась особая культура, связанная с национальными, этническими, историческими процессами в обществе, и развитие этой культуры зависело от множества объективных и субъективных факторов. Их изучение, равно как изучение этапов, характера трансформаций антропологии родов на долгом хронологическом отрезке, истории развития акушерских идей и практик, изменения родильных обрядов, процесса медиализации родов и формирования их технократической (биомедицинской) модели, помогало нам понять, каким образом переход от традиционного к индустриальному обществу отразился на сфере репродуктивного поведения.

Современные зарубежные законодатели, акушеры-гинекологи, равно как представители социальных служб, формулируя правовые нормы, связанные с репродуктивным поведением, стараются учитывать национальные особенности развития родильной культуры. В нашей же стране отечественный опыт не только не используется при выработке идей преобразований

такого рода, но и совершенно не изучен. Игнорирование этой научной проблемы обесценивает важнейшую биосоциальную практику нашей культуры, прерывая преемственность и нивелируя достижения истории российского родовспоможения.

Российский опыт развития родильной культуры недооценен в мировой демографической истории. Мы намерены восстановить справедливость, включив важнейшую часть женской повседневности в современные исторические исследования, которые до сегодняшнего дня оставались в стороне от изучения этого фундаментального опыта для женской истории России и всего нашего прошлого.

Человек рождающий, *Ното partum*, — женщина как создательница всех участников мира; как творящая, созидающая Личность; как Человек, рождающий других людей, в том числе и наследников патриархатного социального порядка. Речь идет не просто о производстве тела на свет (что нелегко), но постулируется подход к женщинам как к производящим всех вообще носителей культуры, а значит, и саму культуру, и преодоление дихотомии «женщина/природа — мужчина/культура». Женский опыт переживания и осмысления репродуктивных практик становился способом обретения Субъективности, преодоления ограничений гендерных ролей воспроизводимого символического миропорядка.

Наталья Пушкарева,
председательница «Российской ассоциации
исследователей женской истории», заслуженный
деятель науки Российской Федерации